

Алексей Эрр

АНА

несовременный роман

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Э81

Эрр А.

Э81 Ана. Несовременный роман / А. Эрр — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 368 с.

Героиня «несовременного» романа — успешная молодая женщина, Ана. Она живет вполне земными делами: все есть (квартира, машина, работа), а милого, родной «половинки» не хватает. Но (к счастью ли, к несчастью) как по волшебству в ее жизни появляется родной человек, очень непростой. Он — фантастически талантливый музыкант. Но там, где сплетаются большой талант и большая любовь, там густо сходятся линии судьбы. Или Судьбы с большой буквы. Она меняется, уже никогда не будет прежней.

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-92914-6

© Алексей Эрр, текст, обложка, 2023
© Лариса Романова, обложка, 2023
© Анастасия Бабина, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Моим друзьям. Их истории подарили мне эту книгу.

Часть 1

Необычная во всех отношениях зеленоглазая брюнетка интересуется, чем отличаются отношения между женщиной и мужчиной от отношений между этой же женщиной и другим мужчиной?

Объявление на сайте знакомств

I

Ана проскользнула мимо вывески, не осмелилась даже взглянуть на нее. Медленно дошла до угла, постояла в раздумье и тут же, под снегом, словно почувствовала жар, расстегнула пальто, откинула капюшон. Озябшей, немой рукой провела по непослушной стрижке, закурила, нервно, затянулась, пустила дым вниз.

Все. Обратно. Сигарету в сугроб, скрипучий снег. Вернулась к крылечку, отворила дверь.

САЛОН СУПЕР ЛЮКС
МУЖИКИ НА ЛЮБОЙ ВКУС
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РАСПРОДАЖА

Дверь впустила Ану, и решимость закончилась, оказавшись на деле робостью и досадой. И еще страхом и любопытством, как в детстве, когда идешь, куда не разрешили. Сердце далеко забилося, но слышно постукивало оттуда, издалека.

— Добрый вечер, как вы, не замерзли?

Вопрос был человеческий, но вышел из оскала зубов и этакой деловой улыбки. Стрррр-ашненькое рашн смайл. Взгляд Аны рассеялся, чуть успевал ловить детали: неслабое бедро, раздевающие глаза средней наглости, почти строгий костюм, белоснежная блузка с кружевом, щедро расстегнутые пуговицы. Еще бы одну расстегнуть, и пошла бы реклама тонкого белья для груди пятого номера. Но не пошла, остановилась на самой ни-ни-дальше заманчивой точке. Рядом с бейджи-ком «Менеджер по операциям».

«Менеджер. Черт! И здесь менеджер. Мёнегер, как сейчас говорят. Не простой — опер-мёнегер. Женского вида-пола опер-мёнегер-ша...»

Неточно ловя обрывки Аниных мыслей, опермёнегерша пожевала паузу и продолжила свой ход.

— Так вы как, милочка, не сильно замерзли, милочка?

От этой «милочки» и крепкого парфюма повеяло знакомым: немного «Шанеля» накапали в щи. Ана съежилась, почувствовала легкую злость, наморщила бровь, а Менегерша только обрадовалась — клиент ожил, отмерз! Работаем!

— Ежели хотите с мороза кофейку горячего, можно с коньячком, с хорошим.

Ана провела языком по сухим губам и только головой дернула косо — ни да ни нет.

— Вот, и я говорю. Сичас приготовим, заодно и каталог посмотреть.

Менегерша, видно, не сильно думала, когда говорила, все втискивала в напор: прихватила рукав Аниного пальто и настойчиво так провела ее вдоль стекол и приглушенного света.

— Что вы, милочка, не надо, будто испугались. У нас, знаете, индивидуальный подход. Тем боле, время сичас такое, надо брать, конец года, лучший товар. Так кофейку сначала или по каталогу начнем?

Ана сжала пересохшие губы, почувствовала — трещинами расходится помада. А от нее, помады, трещины побежали по телу, полу, стенке, потолку. Ана не стала на них смотреть, повернулась к Менегерше.

— Не знаю, как лучше, — голос показался не своим.

— А у нас, знаете, по-разному лучше. У нас, знаете, не так просто, а салон! Супер-люкс фирма, знаете, с большой гарантией. Никому, говорю, и в голову не придет, все по высшему классу, индивидуальный подход, экземпляр мы строго под вас.

Менегерша сменила широкую улыбку на узкую, показывая, что время — деньги, и, не дожидаясь новой перемены Аниных чувств, вытряхнула ее из пальто, и саму Ану прихватила под руку, да так, что рука

дернулась и застыла — дай бог всякому оперу такую хватку.

— И вы правы, милочка, да, по каталогу не так чтоб наглядно, — Менеджерша чуть отпустила зажим. — Вы-то пальто-то здесь оставьте, вот здесь, на плечиках, охрана посмотрит, а мы в зал, как раз освободился.

Чехарда ее слов вконец пробила Ану, а от придыханий — вы-то пальто-то — Ана как из тумана вышла, стряхнула неловкость и слабо улыбнулась.

— А какой у вас зал?

— Обычный, демон, — вежливо кашлянула в платочек, — демонстрационный. По каталогу выбор, конечно, больше, но лучше, как говорят, самой увидеть, чем. И основные типы все есть. Да пройдемте, милочка, сами посмотрите.

Ана послушно двинулась вслед за ней, следя за ее шагом: двойным — тяжелым, но витым, как у пушного зверя. Крупного.

«Демонстрационный? Их что, в витринах держат? Или содержат?»

Перед массивной дверью, как положено для спокойствия, сидел хмурый закамуфлированный и тупым карандашом водил по бумаге. Что-то военно-боевое: пламя, стрельбу, разорванные лица, еще какие-то страсти. Скучно ему было не в окопе сидеть, вот и грел основной инстинкт жесткими штрихами. Рисовать он, впрочем, умел, страсти казались настоящими.

— Игорек, ты нам кофе с коньячком.

Игорек оторвался от страстей и отдал Менегерше честь обеими руками. А в дверях открылась щель, и железная опер-ручка протащила послушную Ану за собой. На секундочку стало темно и страшно, но секундочка прошла. Ана как плыла в темноте, забыла про дыхание, нырнула и плыла, только обернулась назад, увидела полоску колотого света в дверях, и вперед — на черный силуэт Менегерши.

— Почему здесь так темно?

— Да не волнуйтесь, милочка, — Менегерша, щелкнув фонариком, ослепила Ану и в полумраке нашла еще больше превосходства. — У нас фирма, а фирма, знаете, не вяжет. Вот. Только вот тут поосторожнее, не споткнитесь, ступенечки, смотровая дальше там, вот.

Фонарик осветил узкую дорожку, как в кино между рядами, только вместо спинок справа и слева блеснули толстые стекла витрин с совершенной чернотой внутри. «Точно!» — Ана осторожно перебирала ногами и от страха-любопытства закусил губу, — «Точно. В аквариумах держат. Заспиртованными. Господи. Бред какой!»

Но бред скоро кончился — лучик фонарика уткнулся в небольшую площадку с тремя кожаными креслами. Менегерша плавным жестом провела Ану к последнему, дальнему, а сама развалилась в ближнем, и фонарик положила рядом. Ана краем глаза наблюдала за ней, но вдруг почувствовала мягкие кожаные формы, по которым тело растекалось, проваливалось в сон.

Глаза закрылись, но любопытство их встряхнуло и заставило еще раз посмотреть через соседнее кресло. Ана не заметила, как фонарик погас — теперь перед Менегершей светились полоска узкой лампы и длинные ряды кнопок и клавиш, ползунков. Как в студии, под-свет зеленоватый.

— Восьмой номер, на выход. — Голос Менегерши стал металлическим, а длинные когти, как у бывшей машинистки, бегло, со стуком пробежались по пульту.

— Свет в центр, свет по кругу, — она прямо чеканила в микрофонную проволоку, — восьмой, пять секунд, время пошло.

«Время пошло?» — Ана успела удивиться и невольно стала считать.

На пятой секунде зажглась светом круглая площадка, подобие эстрады, а большой луч с желтым отливом осветил не крупного мужичка с небритой бородкой. Впрочем, до мужичка он не дотягивал — плечи заметно опущены, а в глазах застыло что-то нерадостное. Костюм на нем и не думал сидеть, а в корявых пальцах дымилась почти скуренная сигаретка.

— Вот, пожалуйста, один из типичных. — Менегерша уже не выставляла зубы напоказ, все больше казалась деловой. — Как он вам?

Ане стало неловко, мужичок ей совсем не понравился, но сказать правду тоже было неловко, и до круга недалеко — если он услышит, так совсем нехорошо станет.

— Да вы не сисняйтесь, — Менегерша заулыбалась, — там не слышно, только если сами захотите поговорить. Ну, как он вам?

Ана испуганно поперхнулась.

— Да, вы знаете, не очень, может, что-то другое есть?

Менегерша печально качнула головой и вздохнула. И еще раз вполсилы. Показала, что привычна к клиентской глупости, да ничего не поделаешь — работа такая.

— Как скажете, милочка, можно и к другим, только многие все равно к таким возвращаются.

— А что, почему к таким?

— Бизопасность, милочка. Бизо-пасность! Это вариант домашний, не блудливый. То есть не слишком. Многого не просит, правда, и не дает того-сего, но, это, как бы, сносен. Да. А клиенты, знаете, от нервов устают, вот и выбирают такого, не шибко заметного, но, это, как бы, своего. Своего. Эти, они, как бы вам, привязчивые. А нашей сестре че искать? Страсти при луне — это сопливым надо. А здесь — бизо-пасно. Не стена, но такая, знаете, стенка. Мы-то, в конце, не в лесу живем, нам и стенка сойдет. — Менегерша коротко хрюкнула в платочек. — Так что думайте, милочка.

Ана ощутила зябкий холодок меж лопаток, ей бы и вовсе стало не по себе, да кресло так мягко топило чувства, что вся менегерская философия со своим «не сисняйтесь», она мимо прошла. Но все же Ана сделала усилие, за ним неплавный жест рукой, будто хотела что-то остановить. Оперша терпеливо ожидала,

наперед зная, что клиент чувствует. Опять выдержала хорошую паузу и потянулась зубами к микрофону.

— Смена номера. Двадцатый. Пять секунд. Время.

Свет погас. Ана уже знала, что через пять секунд появится двадцатый номер, и все ж не удержалась от счета. Но в этот раз в круге вместо человека появился стул, а новый экземпляр с невидимым достоинством помедлил с выходом. Его тень постояла за лампами круга и, только убедившись, что ее ждут, вышла на середину. Уселась, закинула ногу за ногу и перестала быть тенью.

Новый номер был худ и нервен. Не то, чтобы откровенно нервничал, но глаза его то тревожно вглядывались в темноту, то упирались в слабовычищенные ботинки. Совсем не новые джинсы и свитер ручной вязки на экземпляре сидели мешковато. Собственно, это слово редко идет к худым фигурам, но количество пузырей на одежде было так велико, что видно было, как тощее тело прячется в просторный мешок.

Ана на новенького посмотрела внимательнее — несмотря на его желание быть большим и сильным, слабость была видна. Да еще неопрятность одежды и длинных, небрежно откинутых назад волос, давала повод для внимания и понятной женской тяги выстирать и выгладить. Да и не просто было сказать, к какому типу принадлежал двадцатый: не мужик, не мужичок, явно мужской, а лицо — не двадцатого века.

— Кто он? — спросила Ана.